

Петръ Кузьмичъ Козловъ.

(Русскій изслѣдователь Центральной Азіи).

Нытливость человѣческихъ знаній въ различныхъ областяхъ науки не останавливается ни передъ какими бы то ни было трудностями и лишеніями, наоборотъ, все съ большею настойчивостью, съ большею предприимчивостью идетъ впередъ... Въ области географической науки также. Въ позднѣйшій болѣе нежели полувѣковой періодъ географическихъ изслѣдованій въ спискѣ европейскихъ путешественниковъ стоятъ и имена русскихъ географовъ. На долю русскихъ изслѣдователей выпала Сѣверная и Центральная Азія. Послѣдняя, впрочемъ, по разнымъ, часто практическимъ, соображеніямъ привлекала вниманіе и другихъ европейцевъ, въ особенности англичанъ. Въ то время, какъ русскіе путешественники устремлялись въ Центральную Азію съ сѣвера, англичане слѣдовали туда же съ юга, со стороны Индійскихъ владѣній. Каждая изъ экспедицій, командируемыхъ преимущественно географическими обществами, прокладывала новый шагъ, за которымъ напряженно слѣдили всѣ тѣ, кому не безразличны были интересы этой малоизвѣстной страны, богатой не только историческимъ прошлымъ и настоящимъ, но еще болѣе и предстоящимъ будущимъ...

Въ настоящее время среди русскихъ путешественниковъ, пользующихся наибольшою извѣстностью не только у насъ въ Россіи, но и за границей—это полковникъ Петръ Кузьмичъ Козловъ, въ свое послѣднее Монголо-Сычуаньское путешествіе, 1907—1909 г.г.,

въ пустынномъ центрѣ Монголіи, открывшій мертвый городъ „Хара-хото“, который со всѣми археологическими въ немъ находками сдѣлался достояніемъ науки вообще и русскаго музея Александра III и библіотеки Императорской Академіи Наукъ въ частности. На страницахъ журнала мы познакомимъ нашихъ читателей съ біографическимъ очеркомъ русскаго путешественника и его описаніемъ Монголо-Сычуаньской экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, исполненной подъ руководствомъ П. К. Козлова...

Ред.

„Русская экспедиція, говоритъ П. К. Козловъ, отъ которой впервые сознательно забилось мое юношеское сердце, была предпоследняя экспедиція нашего славнаго Николая Михайловича Пржевальскаго, ея громкое возвращеніе въ С.-Петербургъ, въ январѣ 1881 г. Чѣмъ-то сильнымъ, захватывающимъ вѣяло отъ этой экспедиціи, ея доблестнаго вождя, энергичныхъ, закаленныхъ спутниковъ, но главнымъ образомъ самого вождя, картинно описывавшаго эпопею словно сказочныхъ странствованій по пустынямъ и нагорью Тибета. Своими блестящими лекціями, страстный, увлекающійся Н. М. Пржевальскій привлекалъ многолюдныя аудиторіи... Ученныя общества создали повышенную географическую атмосферу, въ которой съ гордостью произносилось имя перваго русскаго изслѣдователя природы Центральной Азіи“. Имя Пржевальскаго „стало синонимомъ безстрашія и энергіи въ борьбѣ съ природою и людьми и беззавѣтной преданности наукѣ“.....

Газеты и журналы быстро разнесли вѣсть о возвращеніи славной экспедиціи Пржевальскаго по всей Россіи. Извѣстіе о Н. М. Пржевальскомъ проникало въ медвѣжьи углы, отстоявшіе отъ станцій желѣзныхъ дорогъ до сотни и болѣе верстъ. Въ одномъ изъ такихъ угловъ, въ усадьбѣ „Слобода“¹⁾, Смоленской губерніи Порѣчскаго уѣзда, и проживалъ въ то время П. К. Козловъ, тогда

¹⁾ Усадьба Слобода, черезъ годъ, стала собственностью Н. М. Пржевальскаго, который вскорѣ развелъ въ ней садъ, въ саду вырылъ прудъ, построилъ домъ и приспособилъ въ саду же старую „хатку“ для писанія книги о путешествіи. Эта хатка была своего рода святая святыхъ души Пржевальскаго. Кромѣ самыхъ близкихъ друзей—путешественниковъ въ нее никто не допускался. Здѣсь были написаны двѣ книги „Третье“ и „Четвертое“ путешествіе въ Центральной Азіи... Украшеніемъ Слободы, между прочимъ, служитъ большое, живописное озеро съ высокими островами, нагорными берегами, покрытыми хвойнымъ лѣсомъ. Глухари и медвѣди и своеобразная красота озерной дали съ синѣющими островами очаровали Пржевальскаго, и онъ приобрѣлъ Слободу въ свою собственность. „Съ име-

еще пятнадцатилѣтній мальчикъ, съ запасомъ знаній шести классовъ реального училища, готовившійся поступить въ Учительскій Институтъ. „Какъ сейчасъ помню, говоритъ П. К. Козловъ, высокій подъемъ чувствъ и горячее стремленіе къ Центральной Азіи и ея отважному изслѣдователю—Пржевальскому. Его живое описаніе красотъ горной природы, широкихъ пустынныхъ далей, навѣвавшихъ поэтическій просторъ, положительно захватили всю мою душу, всего меня и неотразимо влекли къ великому познанію, самому источнику этого познанія—Пржевальскому. Но въ то же время я былъ далекъ отъ реальной мысли когда-либо встрѣтиться съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ... Тѣмъ дороже и памятнѣе былъ для меня день осуществленія этого, казалось, несбыточнаго желанія, день—въ который я вдругъ сталъ не только лицомъ къ лицу съ Пржевальскимъ, но и сроднился съ нимъ, съ его исключительною дѣятельностью. Когда я впервые увидѣлъ Пржевальскаго, то сразу узналъ его могучую фигуру, его властное, благородное, красивое лицо, его образъ—знакомый, родной мнѣ образъ, который уже давно былъ созданъ моимъ внутреннимъ воображеніемъ. Какъ истый путешественникъ и чуткій знатокъ природы, несравненный Н. М. Пржевальскій быстро зажегъ во мнѣ горячую любовь къ природѣ Азіи и какъ чистый и цѣльный человѣкъ подчинилъ силѣ своего обаянія. Въ его неимоверно жизненной энергіи мое личное я вначалѣ растворилось и стало частицею его общаго собирательнаго имени“...

Такимъ образомъ, осенью 1883 года, въ званіи вольноопредѣляющагося и въ качествѣ помощника начальника экспедиціи П. К. Козловъ отправился сопутствовать Н. М. Пржевальскому въ его, новое тогда, четвертое путешествіе въ Центральной Азіи—поперекъ Гоби, вдоль сѣверной окраины Тибета и по бассейну Тарима. Изъ этого двухлѣтняго, перваго для г. Козлова, путешествія онъ возвратился инымъ человѣкомъ—Центральная Азія стала для него цѣлью жизни. „Такое убѣжденіе, рассказываетъ П. К. Козловъ, не поколебалось, наоборотъ, еще болѣе укрѣпилось послѣ тяжелыхъ нравственныхъ страданій, связанныхъ съ неожиданной смертью моего незабвеннаго учителя Н. М. Пржевальскаго“...

Пржевальскому временно наслѣдовалъ полковникъ генеральнаго штаба М. В. Пѣвцовъ, въ сообществѣ съ которымъ, въ теченіе

немъ Слобода, рассказываетъ П. К. Козловъ, во мнѣ просыпается первое, самое сильное и самое глубокое воспоминаніе о Пржевальскомъ“.

Въ настоящее время, какъ маіоратное, имѣніе Слобода принадлежитъ старшему въ родѣ Пржевальскихъ—юристу В. В. Пржевальскому.

также двухъ лѣтъ, 1889—1891 г.г., подпоручикъ Козловъ вновь посѣтилъ Сѣверный Тибетъ, Восточный Туркестанъ и Джунгарію, ведя въ это время, помимо обычныхъ географическихъ экскурсій въ стороны отъ главнаго каравана, спеціальныя наблюденія надъ животнымъ міромъ и вѣдая сборами зоологической коллекціи вообще...

За первое проявленіе самостоятельныхъ работъ, въ дѣлѣ изслѣдованія Центральной Азіи, П. К. Козловъ удостоился высокой и дорогой для него награды—медали Пржевальскаго...

Далѣе слѣдуетъ третье путешествіе П. К. Козлова, 1893—1895 г.г., участіе въ экспедиціи, официально именованной „экспедиціей спутниковъ Пржевальскаго—Роборовскаго и Козлова“—экспедиціи, обслѣдовавшей Нань-Шань и проникшей въ сѣверо-восточный уголъ Тибета. Вслѣдствіе острой болѣзни, постигшей главнаго руководителя экспедиціи, штабсъ-капитана Роборовскаго, это тяжелое путешествіе было закончено подъ руководствомъ поручика Козлова, взвалившаго на свои молодые, сильныя плечи отвѣтственную ношу. Участіе въ этой экспедиціи отмѣчено книгой П. К. Козлова подъ заглавіемъ „Отчетъ помощника начальника экспедиціи“¹⁾.

Наконецъ, двѣ послѣдующія экспедиціи: Тибетская, 1899—1901 г.г. и Монголо-Сычуаньская, 1907—1909 г.г., проектированы П. К. Козловымъ и исполнены во главѣ съ этимъ неутомимымъ путешественникомъ.

Тибетское путешествіе П. К. Козлова особенно плодотворно изслѣдованіемъ богатой оригинальной природы и малоизвѣстныхъ или даже вовсе неизвѣстныхъ восточно-тибетскихъ племенъ, населяющихъ верховья трехъ знаменитыхъ рѣкъ Китая — Хуанъ-хэ, Ян-цзы-цзяна и Меконга. Описаніе этого путешествія изложено на страницахъ I и II томовъ роскошнаго изданія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подъ заглавіемъ „Монголія и Камъ“, а результаты научныя на страницахъ послѣдующихъ спеціальныхъ томовъ той же Монголіи и Камъ.

За Тибетское путешествіе П. К. Козловъ былъ удостоенъ чрезвычайной почетной награды Императорскаго Русскаго Географическаго Общества—Константиновской золотой медали.

Бросимъ самый бѣглый взглядъ на нѣкоторыя мѣста описательной части Тибетскаго путешествія П. К. Козлова.

¹⁾ Труды экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Центральной Азіи, совершенной въ 1893—1895 г.г. подъ начальствомъ В. И. Роборовскаго. П. К. Козловъ. Часть II. Изданіе Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Начальнику экспедиціи и его спутникамъ тяжело было оторваться отъ сердца Россіи — Москвы, а тамъ дальше стало легче, въ особенности, когда началось настоящее путешествіе.

...„Еще нѣсколько минутъ, говоритъ нашъ путешественникъ, и караванъ, извиваясь лентою, двинулся къ востоку. Впереди, сажень на сто, ѣхалъ я съ урядникомъ Телешовымъ и проводникомъ-киргизомъ; въ аррьергардѣ слѣдовалъ поручикъ Казнаковъ“.

Впечатлѣніе перваго ночлега было таково. „Полюбовавшись на мараловъ (оленей) и на красивые виды по сторонамъ, члены экспедиціи вернулись на бивуакъ. Вскорѣ спустились на землю сумерки, и солнечный свѣтъ смѣнился луннымъ, слабо, но картинно пронизывавшимъ лѣсъ, подъ сѣнью котораго путешественники впервые вкушали оригинальную прелесть своей привольной страннической жизни“.

Лѣсная и пышная луговая растительность русской части Алтая, по мѣрѣ проникновенія къ востоку, уступала мѣсто пустынной монгольской растительности, лѣто — осени, когда караванъ тибетской экспедиціи проходилъ вблизи священныхъ горъ Ихэ-богдо и Бага-богдо;... „въ открытой долинѣ весь день дулъ юго-западный вѣтеръ, стихшій только ко времени погасанія зари. Морозъ усиливался. По темно-голубому, свободному отъ облаковъ небу, сначала заискрились блестящія звѣзды, немного позднѣе показалась луна, картинно разлившая свой мягкій свѣтъ по снѣговой равнинѣ. Чѣмъ-то непостижимо великимъ казалась въ эту ясную ночь гора Бага-богдо; ея матово-блестящія снѣга, поднятые на двѣ слишкомъ версты относительной высоты, производили глубокое впечатлѣніе, подъ обаяніемъ котораго истые буддисты, говорятъ, просиживаютъ ночи, погруженными въ созерцаніе“...

Праздникъ Рождества Христова путешественники встрѣтили и проводили въ области центральной пустыни Гоби. „Въ сочельникъ, пишетъ П. К. Козловъ, „нашъ скромный бивуакъ, пріютившійся въ ущельицѣ, казался точкой среди необъятной, погруженной въ дремоту, пустыни; изрѣдка обрисуетъ силуэтъ часового, прогуливавшагося при мерцаніи пламени костра; тяжело вздохнетъ верблюдъ, или оригинально простонутъ баранъ и дремлющая собака, или заговоритъ во снѣ человекъ, вотъ все, что нарушало тишину здѣшной ночи. Немного подальше, сейчасъ за гребнемъ увала, опять дикая, безмолвная пустыня“...

За Гобійской пустыней поднимаются высокія скалистыя цѣпи Нань-Шаня, темнѣя многочисленными ущельями. Путешественники съ нетерпѣніемъ ожидали, справедливо прославленнаго, Тэтунга, а вотъ и онъ самъ и давно ожидаемый монастырь Чортэнтанъ.

Вдали, на правомъ берегу рѣки, видѣлась привѣтливая когда-то луговая площадь, теперь же темная, взъерошенная — та самая, которая служила нѣсколько разъ мѣстомъ для бивуака экспедиціямъ покойнаго Н. М. Пржевальскаго, а выше по горамъ тянулись густые лѣса, въ которыхъ столько разъ охотился великій путешественникъ. „Никогда я не забуду, говоритъ П. К. Козловъ, этого очаровательнаго уголка. Цѣлый мѣсяць мы ежедневно засыпали, убаюкиваемые монотоннымъ гуломъ рѣки. Много, много разъ манили насъ къ себѣ грандіозныя прибрежныя ея скалы, въ особенности по вечерамъ, когда ничто не нарушало окрестную тишину, кромѣ рокота стремительныхъ, прозрачныхъ водъ рѣки, и когда мысль подъ обаяніемъ дикой, величественной природы, воскрешала въ воображеніи образъ покойнаго перваго изслѣдователя, который, сравнительно недавно, любовался тѣми же прелестными видами и прислушивался къ мягкому всплескиванію волнъ того же красавца Тэтунга“.

„Приближаясь, затѣмъ, къ Цайдаму или сѣверной границѣ Тибета“, пишетъ П. К. Козловъ, „мы увидѣли на югѣ, въ туманной дали, хребетъ Бурханъ-Будда, протянувшійся длиннымъ величественнымъ валомъ съ востока на западъ. Въ тонкой пыльной дымкѣ мутновато видѣлись снѣга, еще плотно укрывавшіе верхній поясъ горъ“.

„Мысль невольно перенеслась за этотъ порогъ Тибета, гдѣ исполинской скатертью развертывается высокое суровое нагорье, дающее пріютъ оригинальнымъ представителямъ животнаго царства. Тамъ должна быть сосредоточена предстоящимъ лѣтомъ наша дальнѣйшая дѣятельность... Что ожидаетъ насъ далеко впереди? поможетъ ли намъ счастье также успѣшно поработать въ завѣтной странѣ, какъ это удалось сдѣлать въ Алтаѣ и въ Центральной Гоби?—вотъ вопросы, неотвязно стоявшіе въ воображеніи начальника экспедиціи при видѣ убѣжденныхъ природою вратъ Тибета“...

14-го апрѣля экспедиція, наконецъ, достигла хырмы (хырма — укрѣпленіе) Барунъ-цзасака и расположилась внутри ея глиняныхъ стѣнъ бивуакомъ. Здѣсь П. К. Козловъ устроилъ метеорологическую станцію. Въ этой же хырмѣ Барунъ-цзасака былъ организованъ и складъ коллекцій и багажа, необходимаго на обратный путь экспедиціи. Мѣстный князь, старый знакомый П. К. Козлова, не имѣлъ данныхъ выразить по этому поводу какого-либо протеста на томъ основаніи, что ему было предписано изъ Синина объ оказаніи экспедиціи полного содѣйствія какъ относительно пребыванія въ Цайдамѣ, такъ равно и по снаряженію ея въ дальнѣйшій путь.

Тибетъ высокій, завѣтный край послужилъ предметомъ изслѣдованія нашему соотечественнику, который проникъ въ бассейнъ Меконга... „Здѣсь, по описанію П. К. Козлова, гребни главныхъ хребтовъ и второстепенныхъ горъ лежатъ сравнительно недалеко отъ окаймляющихъ ихъ рѣкъ и рѣчекъ, которыя по большей части заключены въ глубокія ущелья или живописнѣйшія тѣсныны, наполненныя вѣчнымъ шумомъ водъ. Въ замѣчательно красивую, дивную гармонію сливаются картины дикихъ скалъ, по которымъ тамъ и сямъ лѣзятъ роскошныя рододендроны, а пониже ель, древовидный можжевельникъ, ива; на дно, къ берегамъ рѣкъ сбѣгаютъ дикій абрикось, яблони, красная и бѣлая рябина; все это перемѣшано массою разнообразнѣйшихъ кустарниковъ и высокими травами. Въ альпахъ манятъ къ себѣ голубые, синіе, розовые, сиреневые ковры цвѣтовъ изъ незабудокъ, генціанъ, хохлатокъ, *Saussurea*, мытниковъ, камнеломокъ и другихъ“.

Въ глубокихъ, словно спрятанныхъ въ высокихъ горахъ, ущельяхъ, водятся красивые пестрые барсы, рыси, нѣсколько видовъ дикихъ кошекъ, медвѣди и даже, нигдѣ раньше путешественниками не замѣченныя, обезьяны (*Macacus vestitus*), живущія большими и малыми колоніями нерѣдко въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ тибетцами.

Въ ясную, теплую погоду въ красивыхъ уголкахъ бассейна Меконга натуралистъ одновременно улаждаетъ и зорь, и слухъ. Свободно и гордо расхаживающія по лужайкамъ стаи фазановъ или плавно, безъ взмаха крыльевъ, кружащіяся въ лазури неба грифы и орлы невольно приковываютъ глазъ; пѣніе мелкихъ птичекъ, раздающееся изъ чащи кустарниковъ, ласкаетъ ухо.

Весеннее солнце пригрѣвало между тѣмъ сильнѣе и сильнѣе. Кустарники и травянистая растительность ожили и принарядили унылую долину Цайдама; въ воздухѣ, напоенномъ ароматомъ свѣжей растительности, цѣлыми днями не смолкало жужжаніе насекомыхъ и щебетаніе ласточекъ, витавшихъ надъ хырмой. Путешественниковъ неудержимо влекло на югъ — въ горы, которыя теперь, въ маѣ, чаще стали открываться взору своими темно-синими ущельями.

Въ началѣ лѣта, тибетская экспедиція посѣтила бассейнъ Желтой рѣки, въ серединѣ—бассейнъ Голубой, а въ концѣ лѣта радостно вступила и въ бассейнъ Меконга... „Долго я стоялъ на перевалѣ Радэб-ла, говоритъ П. К. Козловъ, и не могъ налюбоваться Барчюскимъ ущельемъ, гармонично сочетавшимъ въ себѣ отвѣсныя каменные кручи, густые лѣса ели и древовиднаго можжевельника

и темную извилистую рѣчку, положительно тонувшую среди причудливо нависшихъ надъ нею гигантскихъ скалъ и цѣплявшихся по нимъ хвойныхъ зарослей. Даже мои тупые монголы-спутники и тѣ, при видѣ Барчюскаго ущелья много разъ повторяли: „гадзэръ сэйнъ байна“!—что значитъ мѣсто хорошее, красивое“.

Съ обѣихъ сторонъ ущелье запирается мрачными тѣсинами, а съ восточной—кромѣ того и высокимъ каменнымъ порогомъ, съ которымъ Бар-чю яростно сражается, превращаясь при этомъ въ одну сплошную массу, игравшую на солнцѣ цвѣтами радуги. Ревъ и шумъ Барчюской стремнины былъ въ состояніи заглушить самый громкій людской голосъ. Обаятельной дикой прелести каскада способствовали также дѣвственныя заросли, нависшія съ отвѣсно ниспадавшихъ береговыхъ стѣнъ. Это было любимѣйшее мѣсто охотничьихъ экскурсій П. К. Козлова.

По цѣлымъ часамъ просиживалъ здѣсь нашъ путешественникъ, наблюдая подъ монотонный гулъ стремнины за жизнью мѣстныхъ пернатыхъ. Чуть блеснутъ солнечныя лучи по скалистымъ стѣнамъ ущелья и вершинамъ хвойныхъ деревьевъ, какъ уже просыпаются птицы и покидаютъ мѣста ночевокъ. Снѣжные грифы, бородастые ягнятники и орлы—беркуты дозоромъ понеслись надъ вершинами горъ; высоко надъ елями паритъ ястребъ, котораго, по временамъ, безпокоятъ попутно пролетавшіе соколы, сарычи, галки и крикливыя красноклювыя клушицы; на опушкѣ полянъ, въ хвоѣ, цѣпляются всевозможныя синицы, пѣночки и золотисто-лобый королекъ; изрѣдка, въ стайкѣ, перелетали ущелье гималайскіе клесты и горныя голуби; у прибрежныхъ, обмытыхъ водою, корней ютился крапивничекъ, а по рѣчнымъ валунамъ—водяная оляпка, часто спрыгивавшая на воду.

Къ полдню, птички становятся менѣе энергичными и, напившись воды, незамѣтно скрываются въ кустарники и скалы. „Пора и охотнику, пишетъ П. К. Козловъ, возвращаться къ бивуаку. Тихо бредешь по знакомой тропинкѣ, порою на минуту остановишься, прислушаешься и въ то же время помотришь въ бинокль на ближайшія скалы. Среди тишины вдругъ польются, словно изъ свирѣли, нѣжныя тонкіе звуки зеленаго красавца всѣре, усѣвшагося гдѣ-либо на бугоркѣ, подлѣ стайки этихъ птицъ, спустившихся къ рѣчкѣ напиться; по мѣрѣ того, какъ умолкаетъ одна пріятная трель вблизи, за полянкой раздается новая, тамъ дальше еще и еще; мелодичныя переливы звуковъ довърчивыхъ всѣре и замѣчательно нарядное ихъ опереніе часто совершенно обезоруживали меня и я ограничивался одними прицѣливаніями въ этихъ птицъ. Истый охотникъ-коллекторъ и любитель природы меня пойметъ“...

Короткіе дни въ глубокомъ ущельи Бар-чю проходили скоро, сумерки длились также непродолжительно, а за ними быстро надвигалась ночь своимъ темнымъ мрачнымъ покровомъ. Благодаря богатству сухихъ дровъ, люди отряда, по вечерамъ, устраивали веселые костры, подлѣ которыхъ путешественники частенько засиживались позднѣе обыкновеннаго, въ особенности когда еще сквозь медленно плывущія облака проглядывала луна, таинственно озарявшая тихій уголокъ бивуака и ближайшія сѣрыя скалы. Густой высокоствольный лѣсъ стоялъ безмолвно, словно погруженный въ дремоту, и совершенную тишину ночи нарушалъ монотонный рокоть рѣчки да унылое гуканье филина, по временамъ раздававшееся въ томъ или другомъ ущельѣ. Неприятный голосъ этой ночной птицы будилъ экспедиціонную собаку и привлекалъ ее съ лаемъ въ свою сторону; затѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ, недруги успокаивались, и опять наступала прежняя убаюкивающая тишина.

Подлѣ костра раздѣляла компанію путешественниковъ ихъ общая любимица—обезьяна, которую П. К. Козлову подарилъ тибетскій начальникъ и которую путешественники впоследствии прозвали Мандрилъ. „Обезьяна съ перваго же появленія въ лагерь экспедиціи, говоритъ П. К. Козловъ, сдѣлалась предметомъ развлечения ея участниковъ. Для этого звѣрка была устроена трапеція, на которой онъ продѣлывалъ всевозможныя упражненія. Со всѣми нами Мандрилъ скоро освоился, но привязывался только къ тѣмъ, кто не допускалъ себѣ по отношенію къ нему злыхъ или мальчишескихъ шутокъ; ласковое же отношеніе и лакомыя подачи очень цѣнилъ, какъ равно не проявлялъ обиды или неудовольствія, если кто по временамъ наказывалъ на мѣстѣ преступленія“.

„Нашъ свирѣпый песъ Гарза вначалѣ порывался уничтожить Мандрила, но, получая за каждую подобную попытку должное внушеніе, скоро смирился и освоился съ нимъ, а недѣли двѣ спустя оба нашихъ спутника стали если не друзьями, то во всякомъ случаѣ и не недругами. Гарза позволилъ Мандриту безнаказанно ласкаться за голову или навязчиво цѣпляться за ноги, за хвостъ, но только не выносилъ его назойливыхъ прыжковъ на спину; въ такомъ случаѣ собака убѣгала отъ обезьяны и пряталась гдѣ-либо въ кустахъ“.

На дальнѣйшемъ пути внизъ по Меконгу тибетцы неожиданно преградили дорогу и въ одномъ, подходящемъ для нихъ мѣстѣ, пытались уничтожить экспедицію, но это предпріятіе стоило имъ порядочныхъ потерь. „Тѣмъ не менѣе, пишетъ П. К. Козловъ, никто не могъ знать, что насъ ожидало впереди... Въ теченіе всей ночи, казавшейся мнѣ вѣчностью, я положительно не могъ уснуть

ни на минуту: мысли самаго разнообразнаго свойства роились въ моей головѣ. Чтобы поразнообразить и сократить время, я оставлялъ палатку и часами смотрѣлъ на ясное, спокойное небо. Яркія звѣзды медленно перемѣщались съ восточной стороны горизонта на западную, таинственные метеоры изрѣдка озаряли извѣстную часть небеснаго свода и, померкнувъ, беззвучно исчезали въ міровомъ пространствѣ. Съ сосѣдняго карниза-обрыва сурово глядѣлъ на нашъ бивуакъ домикъ ламы—отшельника, пріютившагося словно орлиное гнѣздо. Внизу глухо бурлила и плескалась рѣка, по верхушкамъ лѣса, порою, пробѣгалъ слабый ночной вѣтерокъ. Едва своеобразная ласка природы успѣла навѣять дремоту, какъ уже на востокѣ зажглась алая полоска зари, и лагерь пробудился“.

„Невдалекѣ, за кумирней Момда-гомба, продолжаетъ П. К. Козловъ, мы встрѣтили трехъ нарядно одѣтыхъ всадниковъ, выѣхавшихъ къ намъ изъ Чамдо для веденія дипломатическихъ переговоровъ въ качествѣ представителей мѣстной тибетской администраціи. Старшій изъ нихъ, въ званіи да-лама, высокій брюнетъ, съ черными пронизательными глазами, былъ въ темно-красныхъ одеждахъ и парадной шляпѣ, украшенной синимъ шарикомъ. Черезъ плечо этого амдосца, подобно генеральской лентѣ, висѣла связка серебряныхъ гау (ладанка), а въ лѣвомъ ухѣ — наградная массивная золотая серьга, художественно отдѣланная бирюзой и кораллами. Двое другихъ меньшихъ чиновниковъ составляли его свиту. При встрѣчѣ съ нами чамдосцы тотчасъ сошли съ своихъ богато-убранныхъ лошадей и вѣжливо привѣтствовали насъ; мы отвѣтили тѣмъ же. Вслѣдъ за симъ, да-лама сталъ просить меня не заходить въ Чамдо, согласно будто бы желанію находившихся тамъ лхаскихъ чиновниковъ, привезшихъ изъ резиденціи Далай-ламы такого рода распоряженіе. Умоляюще складывая руки и устремляя глаза къ небу, да-лама продолжалъ настоятельно просить о томъ же. „Пожалѣйте мою голову, показывая пальцемъ на шею, повторялъ представитель чамдоской власти и каждый разъ, въ ожиданіи перевода фразы, его испуганное лицо страшно блѣднѣло. Съ своей стороны я выразилъ да-ламѣ большое удивленіе, что чамдоская администрація рѣшила заговорить съ нами позже, нежели слѣдовало, иначе такого сложнаго недоразумѣнія не могло произойти. Во всякомъ случаѣ поступокъ тибетцевъ, дѣйствовавшихъ по наущенію главы великаго монастыря и окрестныхъ ему кумиренъ, переполненныхъ монахами, послужить большимъ укоромъ совѣсти для того, кто благословилъ воиновъ поднять противъ насъ оружіе, и кто теперь, потерявъ голову, командировалъ его къ намъ для улаживанія этого непріятнаго дѣла. На мои доводы хитрый чиновникъ ничего не

отвѣтилъ и, чтобы не дать прочесть выраженія своего лица, низко склонилъ голову. Послѣ этого я предложилъ чиновнику прослѣдовать внизъ по долинѣ рѣки до мѣста бивуака, гдѣ можно будетъ обстоятельнѣе выяснитъ этотъ тяжелый вопросъ“.

Второго ноября (1900 г.) экспедиція вновь поднялась на хребетъ Вудвиль Рокхила, въ восточной, еще болѣе величественной его части, гдѣ переваль Мо-ла открываетъ безконечный лабиринтъ горъ по всѣмъ направлениамъ. Командующими, блестящими на солнцѣ, вершинами того же Рокхильскаго хребта были снѣговья вершины Модя и Зачжи, на которыя, по словамъ нашего чамдоспаслутника, старѣйшіе ламы ихъ богатаго монастыря часто обращаютъ взоры, такъ какъ при созерцаніи послѣднихъ „чистыхъ“ ступеней земного міра, человѣкъ въ состояніи скорѣе отрѣшиться отъ житейской суеты и приблизиться къ познанію нирваны... Гребни горъ по большей части состояли изъ обнаженныхъ сѣрыхъ скалъ, бока же ихъ въ это осеннее время темнѣли зарослями лѣса, среди котораго змѣйками извивались серебряныя ленты многочисленныхъ ручьевъ и рѣчекъ, съ шумомъ низвергавшихся въ долину“.

Многоводный Меконгъ стремительно несется по широкому галечному руслу, обставленному высокими берегами. Его зеленовато-голубыя волны пестрятъ барашками, разбивающимися на порогахъ въ мельчайшую водяную пыль, создающую на солнцѣ очаровательную радугу. Мѣстами же Меконгъ катится величаво-спокойно и представляетъ собою стальную или зеркальную гладь, красиво отражающую прилежащія скалы и лѣса.

„Съ Меконга, говоритъ П. К. Козловъ, мы поднялись на крутой выступъ массива, съ вершины котораго я въ послѣдній разъ любовался этой могучей рѣкой, ея меридіальной длиной, по дну которой темно-голубой блестящей лентой извивался многоводный данникъ Южно-Китайскаго моря. Въ сѣверной части горизонта тѣснились угрюмыя скалы, на югъ рѣка терялась въ гигантскихъ каменныхъ воротахъ, за которыми въ синѣющей дали, словно облака, граничили съ голубой полоской неба восточная окраина Рокхильскаго хребта и вершины болѣе отдаленныхъ Далай-ламскихъ горъ. Ближайшій къ намъ сонмъ боковыхъ скалистыхъ отроговъ темнѣлъ многочисленными складками сплошной заросли хвойнаго лѣса, ручьи и маленькія рѣчки терялись на днѣ глубокихъ овраговъ или второстепенныхъ ущелій. У прибрежныхъ террасовидныхъ полянъ группировались сѣрые домики тибетцевъ“.

Въ одномъ изъ селеній лхадоскаго округа—Лун-ток-ндо, путешественники прожили три зимнихъ мѣсяца. Это селеніе отстоитъ отъ Чамдо къ сѣверо-востоку, верстахъ въ сорока, будучи обставлено со всѣхъ сторонъ горами, разрываемыми рѣчкой Рэ-чю... Въ домѣ, занятомъ экспедиціей только на половину, въ его верхнемъ этажѣ, прежніе его обитатели вначалѣ было перепугались и разбрелись по сосѣдямъ, но вскорѣ, убѣдившись, что имъ худого ничего не причинять, возвратились и сгруппировались въ нижнемъ этажѣ.

Ровная площадка, находившаяся выше дома, занятаго экспедиціей, сослужила хорошую службу для установки астрономическихъ инструментовъ и производства опредѣленія географическихъ координатъ этого пункта.

„Вставали мы, пишетъ П. К. Козловъ, на зимовкѣ также, сравнительно, рано—конвой около шести часовъ, а мы, члены экспедиціи, около семи, ко времени утренняго метеорологическаго наблюденія. Послѣ чаепитія каждый принимался по обыкновенію за свое дѣло“.

„Наши минуты досуга по-прежнему раздѣлялъ Мандриль, который, по мѣрѣ надвиганія весенняго тепла, чаще и чаще отпускался на свободу. Забравшись на сосѣднее экспедиціонному дому дерево, ловкій звѣрекъ подолгу проводилъ тамъ время въ удивительныхъ прыжкахъ съ вѣтви на вѣтвь, не рѣдко въ погоняхъ за пристававшими къ нему воронами. Соображая о будущемъ своего невольнаго спутника, я попытался было его пристроить одному изъ мѣстныхъ тибетцевъ, но Мандриль на пятый день вновь прибѣжалъ въ нашъ лагерь и въ такомъ жалкомъ, несчастномъ видѣ, что у всѣхъ насъ вызвалъ глубокое сожалѣніе, усилившееся подъ впечатлѣніемъ той радости, которую проявилъ бѣдный звѣрекъ при видѣ всѣхъ насъ: въ глазахъ и движеніяхъ обезьяны нельзя было не видѣть выраженія просьбы не покидать ее. Пробовалъ я также отпускать Мандрила въ стадо его дикихъ собратій, но ничего хорошаго не вышло: нашъ звѣрекъ получилъ нѣсколько пощечинъ, которыми его щедро надѣлили дикія обезьяны. Послѣ того мы рѣшили больше не разставаться съ Мандриломъ“.

Общая характеристика мѣстныхъ обитателей напоминаетъ таковую тибетцевъ. О нравственныхъ качествахъ лхадосцевъ авторъ „Монголіи и Камъ ¹⁾“ говоритъ слѣдующее... „имъ присущи та же лѣнь, грубость, лицемѣріе, низкопоклонство; то же ханжество и суевѣріе. Подобно всѣмъ тибетцамъ, лхадосцы безцеремонные попрошайки:

¹⁾ Томъ I, часть вторая, стр. 432—433.

потомкамъ монголовъ ничего не стоитъ протянуть руку и причитывать прославленіе— „куцэренъ, куцэренъ... сирэну...“ При встрѣчѣ съ почетными ламами или чиновниками, лхадосцы заранѣе слѣзаютъ съ лошадей, а при еще большемъ приближеніи присѣдаютъ и, одновременно съ присѣданіемъ, высовываютъ языкъ, часто оттягивая правою рукою соответствующую щеку, а затѣмъ произносятъ „дэму“ или „тэму“, равносильное нашему „здравствуй!“ Въ разговорѣ со старшими лицами простолюдины молчаливо и почтительно стоятъ и только изрѣдка одобрительно киваютъ головой и покорно повторяютъ „лаксу, лаксу“, то есть „да-да“, даже выслушивая жестокій приговоръ надъ собою. Въ знакъ одобренія тибетцы поднимаютъ вверхъ большой палецъ, тогда какъ поднятый мизинецъ опредѣляетъ собою низшее качество; промежуточные же пальцы указываютъ на соответствующую ихъ расположенію степень; два большихъ или два малыхъ пальца, поднятыхъ или выставленныхъ одновременно, выражаютъ или высшую похвалу, или крайнее порицаніе. Какъ и у другихъ обитателей Тибета, у лхадосцевъ принято встрѣчать и провожать гостей до лошади. О всякомъ постороннемъ или чужомъ человѣкѣ, направляющемся въ домъ тибетца, или проходящемъ мимо, но вблизи жилища, въ-время даютъ знать своимъ неистовымъ лаемъ злыя собаки“.

„Отъ множества различныхъ бусъ, янтарей и раковинъ, отъ связокъ ключей, нацѣпленныхъ на женщинъ или дѣвушекъ, отъ своеобразныхъ звуковъ, издаваемыхъ всѣмъ этимъ убранствомъ во время движенія, лхадоскамъ положительно невозможно пройти незамѣченными. И лхадоски большія любительницы всевозможныхъ женскихъ украшеній и нарядовъ; и онѣ также норовятъ заманить продавца съ подобными товарами въ сосѣдство своего дома, чтобы тѣмъ самымъ скорѣе дать понять мужьямъ или отцамъ о представляющемся случаѣ исполнить обѣщаніе, данное ими когда-то купить ту или иную вещь, на зависть гордыхъ сосѣдокъ“...

„Праздникъ Рождества Христова и первый день Новаго, двадцатаго, столѣтія, экспедиція отмѣтила нѣкоторой торжественностью, такъ какъ у насъ, говоритъ П. К. Козловъ, все еще существовали предметы роскоши: сардины, консервированное молоко и кофе, всевозможные леденцы, коньякъ, ликеры, сигары и проч.,—тщательно сберегаемые про такіе исключительные праздники или другіе дни, чѣмъ-либо знаменательные въ нашемъ далекомъ и продолжительномъ странствованіи. Надо, однако, замѣтить, что по части „питій“ экспедиція располагала, на весь тридцатимѣсячный срокъ путешествія за границей, всего лишь двадцатью бутылками и полубутылками коньяка и ликеровъ, при чемъ изъ этого скромнаго запаса

три бутылки цѣликомъ были подарены именитымъ туземцамъ, кромѣ того значительная часть коньяка пошла имъ въ видѣ обычнаго угощенія; изъ остального же запаса, служившаго достояніемъ всего персонала экспедиціи, мы еще сохранили цѣло бутылкѣ коньяка и ликера подъ названіемъ „завѣтная“, до вступленія на родную землю. Этими словами я хочу сказать, что такъ называемые горячительные напитки въ нашей экспедиціи представляли скорѣе лекарственное средство, нежели тотъ „необходимый повседневный предметъ“, въ какой ихъ возводятъ другіе путешественники. Правда, пьющіе нижніе чины получали отдѣльную „чарку“ водки, которую мы фабриковали сами, на мѣстѣ, изъ восьми-ведернаго запаса спирта, везомаго спеціально для коллектированія рыль, змѣй, ящерицъ, мелкихъ грызуновъ и другихъ образцовъ зоологическихъ сборовъ. Непьющіе же чины конвоя, а такихъ было нѣсколько человекъ, взаменъ водки получали лишнюю порцію сахара или леденцовъ, обыкновенно экономно расходуемыхъ ими вмѣстѣ съ кирпичнымъ чаемъ,—единственнымъ напиткомъ, на который мы не скупились, несмотря ни на какую его дороговизну. Сардины и сласти—эти „вкусныя заѣдочки и усладеньки“, выражаясь словами незабвеннаго Пржевальскаго, также получали и нижніе чины и почти въ той же мѣрѣ, какая полагалась и по отношенію къ любому изъ главныхъ членовъ экспедиціи, не позволявшихъ себѣ никакого излишка и комфорта, наоборотъ,—съ перваго дня путешествія съ караваномъ, разставшихся съ привычками цивилизованной обстановки, до снаны на кроватяхъ или койкахъ включительно: всѣ члены экспедиціи спали прямо на землѣ, лишь подославъ подъ себя войлока. Короче—мы жили братьями“.

„Такіе исключительные праздники, или, на примѣръ, вступленіе экспедиціи на нагорье Тибета, въ бассейнъ Ян-цзы-цзяна или Меконга, добыча новыхъ формъ млекопитающихъ и птицъ, мы ознаменовывали тѣмъ, что нашъ однообразный супъ смѣнялся вкуснымъ пловомъ, и помянутыми заѣдочками и усладеньками, которыя мы дѣлили съ дѣтской наивностью и простотою. Въ подобныя минуты, сидя за чашкой чая, мы считали себя, положительно, счастливейшими изъ людей, въ особенности если къ тому же еще выпадали на нашу долю такіе чарующіе уголки, на какіе не одинъ разъ указывалось мною выше“.

Двадцатаго февраля (1901 года), съ первыми проблесками весны на Меконгѣ, экспедиція снялась лагеремъ и направилась въ обратный путь—къ родинѣ. Между долинами рѣкъ Меконга и Ян-цзы-цзяна вставалъ грандіозный хребетъ, названный П. К. Козловымъ „хребетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“;

при пересѣченіи двухъ снѣговыхъ цѣпей этого хребта участники экспедиціи натерпѣлись не мало, такъ какъ въ области верхняго пояса и переваловъ, поднятыхъ до 16.600 футовъ надъ моремъ, бушевали снѣжные штормы.

„Особенно дикое и подавляющее впечатлѣніе, пишетъ П. К. Козловъ, производятъ горы въ тѣсномъ промежуткѣ между двумя высокими цѣпями хребта, гдѣ небольшая по протяженію, но многоводная рѣчка Бар-чю ¹⁾, съ крутымъ паденіемъ и бѣшенымъ стремленіемъ водъ, ведетъ борьбу со скалами и порогами, нагроможденными въ хаотическомъ безпорядкѣ въ тѣснинѣ сѣверной цѣпи, не представляющей никакой возможности для движенія каравана. Бѣшеная рѣчка Бар-чю, словно стальная змѣя, разрываетъ передовыя горы, шумно клокочетъ и пѣнится на днѣ темной расщелины и далѣе, по направленію къ долинѣ Ян-цзы-цзяна“.

„Не менѣе дика и величественна картина вообще въ верхнемъ поясѣ этого хребта, обильнаго мощными скалами и высокоствольными хвойными лѣсами, нерѣдко сочетающимися въ своеобразную прелесть. Множество высокихъ и низкихъ, густыхъ и разрѣженныхъ кустарниковъ лѣпится, тамъ и сямъ, по карнизамъ и сопкообразнымъ выступамъ отроговъ или поднимается по крутизнамъ, изрѣзанымъ каменными руслами, мѣстами прерываемыми шумными каскадами“.

Въ серединѣ, между цѣпями хребта, въ урочищѣ Бачам-да, экспедиціи пришлось устроить невольную дневку, такъ какъ въ теченіе ночи, съ пятаго на шестое марта, выпалъ снѣгъ глубиною до фута и по временамъ проглядывавшее сквозь туманъ солнце болѣзненно ослѣпляло глаза, не давая возможности безъ сѣтчатыхъ очковъ ступить шагу или хоть на минуту покинуть палатку.

„Эта же стоянка, говоритъ П. К. Козловъ, еще болѣе омрачилась для насъ гибелью не только что пройденномъ перевалѣ нашего спутника Мандрила, умершаго подъ тяжелымъ вьюкомъ, свалившимся на него вмѣстѣ съ быкомъ, одновременно везшимъ и несчастнаго Мандрила. Сознаюсь, что мнѣ лично очень тяжело было перенести смерть обезьяны, дѣтски привязавшейся къ намъ и отлично знавшей cadaго изъ участниковъ экспедиціи. Гренадеры, вооружившись лопатами, вырыли яму на красивомъ горномъ скатѣ,

---

¹⁾ Бар-чю, что значитъ звонкая, бурливая, стремительная рѣчка, — вторая въ области маршрута экспедиціи, вступившей уже въ бассейнъ Ян-цзы-цзяна. Первая же „красавица“ Бар-чю находится въ бассейнѣ Меконга.

вблизи звонкой и прозрачной рѣчки. Холодный трупикъ нашего любимца былъ бережно опущенъ и засыпанъ землей, по верхъ которой мы соорудили изъ камней пирамидку“...

Въ долину Ян-цзы-цзяна тибетскую экспедицію догналъ лхаскій отрядъ всадниковъ, во главѣ съ двумя чиновниками, командированными Далай-Ламой для веденія переговоровъ съ начальникомъ экспедиціи. Послы рѣшились прибыть въ русскій лагерь и начать съ путешественниками переговоры лишь послѣ того, какъ убѣдились въ томъ, что они видятъ передъ собою, дѣйствительно, русскую экспедицію.

„Въ теченіе недѣльнаго совмѣстнаго пребыванія на берегахъ Ян-цзы-цзяна, пишетъ П. К. Козловъ, мы хорошо познакомились съ лхасцами. Въ бесѣдахъ съ ними, намъ удалось разспросить этихъ лицъ о Тибетѣ вообще и о Лхасѣ и ея главномъ представителѣ въ частности. Благодаря ихъ же содѣйствію экспедиціи посчастливилось на дальнѣйшемъ пути еще болѣе расширить свои географическія изслѣдованія... Дружески обмѣнявшись привѣтствіями, сфотографировавъ пословъ, одаривъ ихъ и передавъ отъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества подарки для Далай-Ламы, мы пріятельски разстались съ лхаскими чиновниками. Съ своей стороны послы вручили экспедиціи болѣе нежели скромные подарки, заключавшіе въ себѣ „дары мѣстной природы“.

Дальнѣйшій путь экспедиціи проходилъ въ болѣе доступной мѣстности и первое время по большой торговой дорогѣ, ведущей въ Хор-Гамдзэ. Изрѣдка, встрѣчались привѣтливые уголки, съ лѣсною зарослью, гдѣ наши путешественники устраивали охоты—облавы.

„Первая наша охота загономъ, говоритъ П. К. Козловъ, была устроена вечеромъ, вторая раннимъ утромъ, когда чаще случается лучшая погода. Мы во-время успѣли обойти лѣсъ и занять свои знакомыя мѣста. Воздухъ былъ тихъ и прозраченъ. Небо изъ темно-синяго постепенно переходило въ болѣе нарядный и живой яркосиній оттѣнокъ; позднѣе, отъ южныхъ высокихъ горъ стали отдѣляться тонкія облачка и медленно неслись въ нашу сторону; тамъ, въ вышинѣ, среди облачковъ, въ лазоревыхъ пространствахъ, мелькали точками снѣжные грифы и бородатые ягнятники, здѣсь, внизу, вдоль святой горы, быстро съ шумомъ, пролетала пара благородныхъ соколовъ и беркутъ, осиротѣвшій наканунѣ; первыя птицы вѣроятно не терпѣли сосѣдства орла, ожесточенно нападавая на него съ разныхъ сторонъ, но гордый сильный хищникъ спокойно слѣдовалъ впередъ и лишь порою опрокидывался спиною внизъ или продѣлывалъ другія эволюціи. По удаленіи орла, сокола на свободѣ

занялись любовною игрою, спиралью поднимаясь въ высь, въ которой и скрылись совершенно. Рядомъ, въ лѣсу перелетали мелкія птички, однѣ молчаливо, другія, наоборотъ, со звонкой веселой трелью. Въ восточномъ направленіи открывалась долина, по которой змѣилась рѣчка, блестящая ледяною поверхностью. На сѣверѣ, по луговымъ откосамъ горъ, пестрѣли стойбища тибетцевъ-скотоводовъ. Въ бинокль отлично было видно, какъ женщины возились съ барашками, отнимая ихъ отъ матерей, спѣшившихъ къ удалявшимся стадамъ. Окрестъ святой горы, паслись наши караванныя животныя. На югѣ ослѣпительной бѣлизной сіяли и искрились снѣга Дэргэскаго хребта. Стоя на своемъ номерѣ, въ ожиданіи загонщиковъ, пригрѣваемый теплымъ весеннимъ солнышкомъ, я невольно восхищался величіемъ окружавшей меня природы. Между тѣмъ голоса загонщиковъ сдѣлались болѣе громкими; надо стоять насторожѣ, зорко смотрѣть и напряженно вслушиваться. Въ гущинѣ лѣса что-то подозрительно треснуло, и все вниманіе охотника направлено къ мѣсту звука, затѣмъ опять тишина и томительное ожиданіе; подлѣ, испуганно промелькнула синица, за нею краснохвостка, въ высокихъ вѣтвяхъ перемѣстился дятель, а пониже, въ кустарниковой чащѣ, затрещалъ дроздъ, выдавшій присутствіе зайца, быстро вынесшагося къ сосѣдней опушкѣ лѣса; вдругъ грянулъ выстрѣлъ, красивымъ эхомъ откликнувшійся въ хвойномъ лѣсу, вѣтеръ пахнулъ дымомъ, и все стихло. Охота кончилась“...

Вскорѣ, потомъ, экспедиція оставила сычуаньскую дорогу и постепенно склонилась своимъ курсомъ на сѣверъ—сѣверо-западъ, слѣдуя вверхъ по Я-лун-цзяну, лѣвому притоку Голубой рѣки. Въ этомъ углу Кама обитаютъ болѣе воинственные, болѣе грубые и вѣроломные кочевники, которые съ первыхъ дней встрѣчи съ путешественниками стали проявлять разбойничій задоръ. Своимъ отличнымъ снаряженіемъ, богатствомъ вооруженія, маленькая горсточка русскихъ людей разжигала буйныя страсти мѣстныхъ разбойниковъ. Предчувствуя недоброе, путешественники перешли на военное положеніе: наполнили свои сумки патронами, усилили ночныя дежурства и спали не раздѣваясь. Во время движенія каравана выслались дозоры, обнаруживавшіе сторожевые отряды тибетцевъ. Наконецъ стало яснымъ, что экспедиція вновь заперта, что ей предстоитъ во что бы то ни стало пробиваться силою.

„Тихая, полуясная ночь, пишетъ П. К. Козловъ, прошла довольно спокойно, какъ равно и слегка морозное раннее утро, двадцать пятаго апрѣля, когда экспедиціонный караванъ медленно, но въ то

же время и бодро двигался вверхъ по Гэ-чю, держась сосредоточенно. Мелодичное пѣніе соловья долго не прерывалось, между тѣмъ солнце уже освѣтило вершины сосѣднихъ горъ, тонко-перистыя облачка медленно плыли къ востоку, сбиваясь въ сплошную пелену, тогда какъ на западѣ небосклонъ прояснялся все больше и больше. Сдержанный людской голосъ давалъ понять, что отрядъ глубоко проникнуть предстоявшимъ событіемъ. Всѣ внимательно слѣдили за сосѣдними горами, но всего больше, разумѣется, за той частью гребня, гдѣ расположился непріятель. Наконецъ показался и онъ самъ; почти одновременно на трехъ сосѣднихъ плоскихъ вершинахъ Биму-ла заволновались тибетцы въ развернутомъ конномъ строѣ. Громкіе голоса мѣстныхъ воиновъ, мастерски выводившихъ своеобразныя высокія трели, слились въ общій дикій концертъ, нарушившій тишину утра въ горахъ. Минуть черезъ пять голоса тибетцевъ смолкли, затѣмъ повторились еще и еще. Мы продолжали двигаться до подошвы главнаго ската перевала, отстоявшаго своей вершиной на разстояніе одной версты, гдѣ временно остановились, чтобы подтянуть потуже подруги, самимъ полегче одѣться и еще разъ осмотрѣть оружіе. Тѣмъ временемъ на гребнѣ сѣверной цѣпи горъ показалась партія, человекъ въ двадцать пять, другихъ тибетцевъ, оставшихся для насъ неизвѣстными. Число же лингузцевъ простиралось отъ двухсотъ пятидесяти до трехсотъ человекъ. На сей разъ наши недруги покрикивали или одновременно съ двухъ сторонъ или же поочередно, словно переговариваясь о чемъ-то“.

„Такъ какъ между нами и лингузцами, на первомъ уступѣ горъ, залегали скалистыя обнаженія, за которыми могла находиться непріятельская засада, то я, приказавъ каравану осмотрительно двигаться на перевалъ, самъ съ А. Н. Казнаковымъ и Бадмажаповымъ, постоянно при мнѣ находившимся, поѣхалъ налегкѣ, впередъ, съ цѣлью возможно скорѣе обогнуть каменистую преграду. Къ нашему благополучію лингузцы не воспользовались этимъ естественнымъ передовымъ укрѣпленіемъ и мы, миновавъ его, были снова на открытомъ луговомъ скатѣ, обезпечивавшемъ свободное движеніе каравана. Едва мы показались здѣсь, какъ тибетцы еще грознѣе завопили на всевозможныя лады и тотчасъ же, несмотря на довольно большую для ихъ ружей дистанцію—въ шестьсотъ шаговъ, одновременно съ трехъ вершинъ, открыли огонь изъ своихъ фитильныхъ ружей. Благодаря ихъ командующему положенію тибетскія пули, по инерціи, долетали до цѣли, шума и свиста то тутъ, то тамъ. Наши лошади испуганно озирались, всхрапывали, и мы принуждены были ихъ отпустить къ каравану, сами же, раздѣлившись по одиночкѣ, въ свою очередь, открыли огонь по тибетцамъ. Я обстрѣли-

валъ восточную вершину, Бадмажаповъ среднюю, А. Н. Казнаковъ правую или западную; наша единственная боевая линія вначалѣ состояла изъ трехъ человѣкъ и должна была противодействовать дикарямъ, которые въ данный моментъ были почти въ сто разъ многочисленнѣе насъ. Медленно двигаясь впередъ, мы по временамъ присаживались и пускали въ тибетцевъ пули. Какъ уже и говорено было выше, стычку пришлось вести на высотѣ около 15.000 футовъ надъ моремъ, гдѣ разрѣженный воздухъ давалъ себя чувствовать даже и привычнымъ организмамъ. По мѣрѣ нашего приближенія къ перевалу и по мѣрѣ того, какъ наша боевая линія усиливалась людьми, прибывавшими отъ каравана, а слѣдовательно усиливался и нашъ огонь, тибетская пальба стихала; разбойники показывали однѣ лишь головы; еще же черезъ полчаса или часъ, когда мы уже въ числѣ десяти человѣкъ благополучно поднялись на гребень, послѣдній былъ свободенъ. Разбойники со страхомъ, подобно горному потоку, бѣжали по крутымъ ущельямъ на югъ, по направленію къ Я-лун-цзяну. Мы не скупились на выстрѣлы и далеко проводили негодяевъ огнемъ нашихъ винтовокъ“.

„Тѣмъ временемъ караванъ подтянулся на перевалъ, и я поздравилъ нѣкоторыхъ изъ своихъ молодцовъ спутниковъ младшими или старшими унтеръ-офицерами и урядниками. Роли теперь перемѣнились: мы стояли на вершинѣ гребня и спокойно завтракали тамъ, гдѣ только что находились наши недруги, заготовившіе большое количество дровъ и льда“.

Проучивъ и этихъ разбойниковъ, путешественники, въ дальнѣйшемъ, чувствовали себя вполне удовлетворительно. Теперь они выходили на нагорье, на просторъ, гдѣ могли лучше примѣнить свое прекрасное вооруженіе и еще успѣшнѣе гарантировать безопасность. Встрѣчные дзачюкавасцы и литанцы по отношенію къ экспедиціи были очень сдержанны; здѣсь о стычкѣ были осведомлены. Путешественники располагали тремя проводниками, въ сообществѣ съ которыми удачно вышли на прямую разбойничью дорогу, ведущую на озеро Русское.

„На всемъ нашемъ пути по безлюдному нагорью, говоритъ П. К. Козловъ, но въ особенности въ районѣ бассейна рѣчки Сэрг-чю, намъ ежедневно приходилось наблюдать отъ пяти-шести до десяти-двѣнадцати и болѣе медвѣдей, промышлявшихъ то по одиночкѣ, то большею частью по два, по три, а однажды пришлось видѣть четырехъ взрослыхъ нищухоѣдовъ, бродившихъ тѣсной компаніей. Въ открытой долиинѣ Сэрг-чю, гдѣ среди „шириковъ“ (тибетская осока) залегаютъ въ видѣ островковъ глинистыя возвышенія, населенныя нищухами, мы насчитывали съ одного наблюдательнаго пункта до

десятка медвѣдей: тамъ, невдалекѣ, рѣзвится медвѣдица съ двумя дѣтенышами, здѣсь двое взрослыхъ звѣрей отдыхаютъ, грѣясь на солнцѣ, вдоль сосѣдняго ручья пробираются разрозненной компаніей три медвѣдя, къ одному изъ которыхъ, самому крупному, подходятъ двое изъ нашихъ охотниковъ и т. д. Обилію медвѣдей въ Тибетѣ, конечно, способствуетъ и то обстоятельство, что туземцы ихъ не стрѣляютъ, за исключеніемъ охотниковъ, желающихъ воспользо-ваться шкурой, какъ ковромъ или подстилкой во время охотничьихъ экскурсій за травоядными. Что же касается нашей экспедиціи, то мы, наоборотъ, рѣдко упустили случай, чтобы не поохотиться на этого звѣря. Всѣми нами въ общей сложности за двѣ весны было убито до сорока медвѣдей, изъ которыхъ пятнадцать пришлось на мою долю“.

„Охота на медвѣдей, здѣсь, въ Тибетѣ производится въ „открытую“, если можно такъ выразиться. Дѣйствительно, замѣтивъ медвѣдя еще издали, охотникъ смѣло идетъ къ нему поближе, затѣмъ начинаетъ разсматривать и сообразоваться, съ какой бы изъ сторонъ всего удобнѣе его скрасть, то есть приблизиться на выстрѣлъ не замѣченнымъ, считаясь съ отличной способностью медвѣдя далеко чуютъ по вѣтру. Зрѣніе же у этого звѣря сравнительно довольно слабое. Всего удобнѣе подходить къ медвѣдю въ то время, когда онъ занятъ ловлей пищухъ или предается отдыху и наименѣе подходящее время, когда звѣрь направляется скорымъ „ходомъ“, будучи напуганъ. Если же медвѣдь спокойно разрываетъ грызуновъ, то обыкновенно норовятъ идти къ нему ускоренно, останавливаясь во время поворотовъ звѣря въ сторону охотника. Если на пути къ медвѣдю имѣются хотя мало-мальскія прикрытія, то не трудно приблизиться къ цѣли на сотню шаговъ, а то и ближе. Подойдя къ звѣрю, охотникъ съ колѣна или лежа стрѣляетъ въ медвѣдя. Въ большинствѣ случаевъ опытный охотникъ и умѣлый стрѣлокъ однимъ двумя, самое большое тремя выстрѣлами изъ обыкновенной, трехлинейной винтовки уложитъ звѣря.“

„Изъ многочисленныхъ охотъ на медвѣдей, веденныхъ мною и моими спутниками въ послѣднюю весну въ Тибетѣ, я остановлюсь на одной изъ нихъ. Мы успѣли сдѣлать переходъ и расположиться лагеремъ въ глубокой, узкой долинѣ, окаймленной луговыми ска-тами. Нѣкоторые изъ людей отряда отправились на охоту, я же прилежъ вздремнуть, какъ вдругъ слышу голосъ тибетца Боу: „пэмбу, джэму эджери“! то есть „господинъ, медвѣдь идетъ“! Дѣйствительно, стояло мнѣ только приподняться, какъ я уже увидѣлъ медвѣдя, медленно шедшаго по косогору. Звѣрь, повидимому, не обращалъ вниманія на нашъ бивуакъ. Не долго думая, я взялъ

свою винтовку, вложилъ въ нее всѣ пять патроновъ—два разрывныхъ и три обыкновенныхъ—и направился на пересѣченіе пути медвѣдя. Однако высота, около 15.000 футовъ надъ моремъ, даетъ себя чувствовать: горло пересыхаетъ, ноги подкашиваются, сердце учащенно бьется. Садисься. Невольно смотришь въ сторону медвѣдя и не спускаешь съ него глазъ; мишка по-прежнему то движется впередъ, то разрываетъ землю. Опять идешь; солнце пригрѣваетъ, вѣтеръ освѣжаетъ. Наконецъ, зайдя навстрѣчу звѣря, я прилежъ за бугоркомъ. Жду. Медвѣдя нѣтъ и нѣтъ. Я осторожно приподнялся, тревожное сомнѣніе охотника исчезло: медвѣдь не вдалекѣ прилежъ. Ползкомъ продвинувшись десятка два шаговъ, я достигъ второго бугорка. Въ бинокль отлично было видно, какъ вѣтерокъ колышетъ длинную блестящую шерсть медвѣдя; кругомъ тихо, спокойно; могучіе пернатые хищники зачуяли добычу и кружатъ на фонѣ неба; нашъ бивуакъ словно замеръ: вниманіе всѣхъ приковано къ медвѣдю и охотнику. Раздался выстрѣлъ, медвѣдь сердито зарычалъ и тяжело приподнялся на ноги; глухо шелкнула вторая пуля—звѣрь грузно свалился на землю. Не мѣняя положенія, я взглянулъ въ бинокль: медвѣдь лежалъ не шевелясь. Встаю и направляюсь къ обрыву, находившемуся отъ меня шагахъ въ двухстахъ, поодаль отъ медвѣдя, чтобы оттуда взглянуть по сторонамъ. Тѣмъ временемъ двое препараторовъ казаковъ уже покинули бивуакъ и шли къ медвѣдю. Подойдя къ обрыву, я отъ усталости невольно тяжело вздохнулъ, медвѣдь вскочилъ, словно ужаленный, потрясъ своей мохнатой головой и съ страшной стремительностью направился ко мнѣ, неистово рыча и фыркая. Подпустивъ разъяреннаго медвѣдя шаговъ до десяти, я выстрѣломъ въ грудь свалилъ его; звѣрь кубаремъ, черезъ голову, свалился внизъ. Послѣдній рѣшающій моментъ, когда озлобленный мишка несся съ окровавленной пастью, надолго запечатлѣлся въ моей памяти; въ немъ, въ этомъ моментѣ, и заключалось то особенное чувство, которое такъ дорого и привлекательно охотнику“...

„Вскорѣ, затѣмъ, говоритъ П. К. Козловъ, экспедиція поднялась на вершину невысокаго безымяннаго перевала, откуда, дѣйствительно, могла радостно привѣтствовать голубую зеркальную поверхность знакомаго бассейна озера Русскаго. Почти годъ минулъ съ тѣхъ поръ, какъ мы его покинули съ запада, теперь же вблизи находился его юго-восточный край, манившій насъ своею мягкой лазурью. Въ сѣверной дали вырисовывался силуэтъ хребта Амнанъ-кора, бѣлоснѣжныя вершины котораго сливались съ облаками. Цѣлые полчаса я простоялъ на перевалѣ, любясь видами въ ту и другую сторону. Южный горизонтъ будилъ воспоминанія о красотѣ

и богатствѣ природы Кама, сѣверный радовалъ счастливымъ достиженіемъ конца нашей главной тибетской задачи. Пропустивъ весь караванъ мимо себя, мнѣ пріятно было прочесть на лицахъ моихъ спутниковъ удовольствіе и радость... Еще часъ-другой; и нашъ бивуакъ уже красовался на возвышенномъ берегу, о который гулко ударялись высокія, прозрачныя озерныя волны“...

Между тѣмъ нетерпѣніе экспедиціи попасть въ Цайдамъ росло съ каждымъ днемъ. Всѣ участники ея невольно всматривались въ ту часть хребта Бурханъ-Будда, откуда могъ и долженъ былъ показаться цайдамскій отшельникъ Ивановъ. Ивановъ былъ обнаруженъ въ ожидаемый день и въ намѣченномъ направленіи. Пріѣздъ Иванова оживилъ весь бивуакъ. Пошли спросы и разспросы... Прежде всего цайдамскій отшельникъ порадовалъ начальника экспедиціи докладомъ о хорошемъ состояніи склада, а затѣмъ врученіемъ почты—первой со времени двухлѣтняго странствованія, если не считать десятка писемъ, полученныхъ пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ въ Сининѣ. Одинъ изъ членовъ экспедиціи справедливо замѣтилъ, что Ивановъ, пріѣхавшій на прекрасной откормленной лошади, въ нарядномъ кителѣ, съ разодѣтымъ цайдамскимъ монголомъ, составилъ полный контрастъ по отношенію даже къ членамъ экспедиціи, не говоря уже про конвой,—такъ обносились участники тибетской экскурсіи. Лица ихъ вполне гармонировали съ потрепаннымъ одѣяніемъ.

Спустя нѣкоторое время Ивановъ болѣе спокойно рассказывалъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Цайдамѣ. Самымъ великимъ лишеніемъ, говорилъ онъ, для всѣхъ ихъ (четырехъ человѣкъ) составляло не полученіе прямыхъ свѣдѣній объ экспедиціи; тѣ же нелѣпые рассказы, которые передавались богомольцами или другими странниками туземцами, ихъ не только не удовлетворяли, но еще пуще огорчали; нѣкоторому сомнѣнію въ благополучіи экспедиціи способствовали позднѣйшіе толки, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ Тибета и согласовавшіеся между собою о гибели экспедиціи, но они твердо вѣрили, что этого не могло случиться, хотя и допускали возможность утраты кого-либо изъ персонала экспедиціи, но не всей экспедиціи...

„До поздней ночи, пишетъ И. К. Козловъ, отрядъ не ложился спать; да и въ постеляхъ долго еще можно было слышать мягкіе голоса путниковъ, мирно бесѣдовавшихъ о своей родинѣ: повидимому, у всѣхъ на душѣ было легко, хорошо. Къ тому же ночь стояла превосходная: тихая, ясная; сводъ неба былъ унизанъ звѣздами и серпомъ молодой луны“.

Китайцы-переводчики, командированные сининскимъ Цинь-цай'емъ съ пакетами въ экспедицію, долго не вѣрили собственнымъ глазамъ, что нашли всѣхъ путешественниковъ живыми. Въ Сининѣ были увѣрены, что русская экспедиція погибла, и что начальнику края придется отвѣтить за безпечность.

Въ концѣ августа, экспедиція вступила въ Сининь. „У западной крѣпостной башни, описываетъ начальникъ экспедиціи, превосходно выложенной изъ сѣраго камня, мы перебрались черезъ быструю, довольно многоводную рѣчку и вошли арочнымъ входомъ въ городъ. Нѣсколько солдатъ, стоявшихъ на башнѣ, тупо-безсмысленно глядѣли изъ-за бойницъ, въ нашу сторону. Но зато большое любопытство было сосредоточено на насъ при вступленіи въ узкія многолюдныя торговыя улицы, гдѣ тотчасъ образовалась толпа досужихъ зѣвакъ, послѣдовавшихъ за нами. У купцовъ, сидѣвшихъ за прилавками магазиновъ, вытягивались фізіономіи, и они на время забывали свое дѣло; многіе почему-то громогласно считали насъ по головамъ, не стѣсняясь указывать пальцемъ. Мальчишки забѣгали впередъ, толпились, сбивали другъ друга съ ногъ и задерживали встрѣчныхъ, упрямые ослики становились поперекъ дороги, громко орали, заставляя спрыгивать сѣдоковъ, — словомъ, обычная городская картина, наблюдая которую мы незамѣтнымъ образомъ прибыли къ торговому дому Цань-тай-мао. Послѣ нѣкотораго смущенія и нерѣшительности, приказчики открыли ворота и впустили во дворъ моихъ людей и лошадей, я же съ Ладыгинымъ прошелъ черезъ магазинъ въ помещеніе купцовъ, которые заранѣе отвели для насъ двѣ комнаты. Сопровождавшій насъ купецъ шепнулъ на ухо моему сотруднику, что онъ и его ближайшіе товарищи опасаются за нашу безопасность, „толпа возбуждена, страсти ея могутъ возгорѣться при малѣйшей нетактичности съ вашей стороны: вѣдь народъ не можетъ забыть, что вы — европейцы принудили богдохана оставить столицу и бѣжать чуть не пѣшкомъ внутрь страны“. Позднее, вечернее время заставило однако зѣвакъ скоро разойтись, а нашихъ купцовъ успокоиться и приготовить для насъ ужинъ, а затѣмъ оставить насъ въ покоѣ.

„На утро, приведя себя въ порядокъ, мы отправились съ визитомъ, о чемъ В. Ѡ. Ладыгинъ уже успѣлъ предупредить Цинь-цай'я и другихъ главныхъ должностныхъ лицъ Синина. Средствомъ передвиженія я избралъ китайскую закрытую телѣжку, внутри которой мнѣ можно было спрятаться отъ любопытныхъ глазъ; снаружи же усаживался В. Ѡ. Ладыгинъ, свободно переносившій всякую уличную толпу въ Китаѣ. Первый, къ которому мы поѣхали съ визитомъ, былъ Цинь-цай — Бань-ши-да-чень, бывшій

сыланъ инородческаго приказа, родомъ манчжуръ — Ко-пу-тун-и. Невысокаго роста, коренастый, округлый съ небольшими темными глазами и здоровымъ лицомъ, онъ производилъ хорошее впечатлѣніе. Послѣ обычныхъ привѣтствій Цин-цай утонченно поблагодарилъ за подарокъ, а затѣмъ съ улыбкой началъ выражать свой восторгъ по поводу моего благополучнаго возвращенія изъ Тибета. — „Вы такой жизнерадостный, энергичный, счастливый, что, глядя на васъ, самъ молодѣешь душою; я только отчасти могу представить себѣ тѣ невзгоды, трудности и лишенія, какія вы переносили непрерывно въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ; вы вышли изъ всего побѣдителемъ и привезли съ собою научныя драгоцѣнности, и какъ теперь я искренно радъ, что вы вернулись здоровыми и невредимыми. Въ ваше отсутствіе я получилъ нѣсколько депешъ, одна тревожнѣе другой; и въ Россіи, и въ Китаѣ считали вашу экспедицію погибшей. По возвращеніи же моихъ посланныхъ изъ Цайдама, доставившихъ мнѣ отрадное извѣстіе, я тотчасъ телеграфировалъ о томъ въ Пекинъ. Въ настоящее время, вѣроятно, и ваша родина радуется за ваше благополучное странствованіе и смѣло надѣется на таковое же возвращеніе“. Далѣе разговоръ перешелъ къ самому путешествію; Цинъ-цай очень интересовался восточнымъ Тибетомъ и племенами, его населяющими. Съ своей стороны я коснулся было современной политики Китая, по отношенію къ европейскимъ государствамъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, Банъ-ши-да-чень искусно перешелъ на другую тему:—„васъ, вѣроятно, ожидаютъ въ Россіи почетныя награды!“ Поблагодаривъ Цин-цай'я еще разъ за его предупредительность и любезность, много разъ проявленныя какъ къ экспедиціи, такъ и ко мнѣ лично, я отправился къ дао-тай'ю или губернатору. Во дворѣ и за дворомъ меня сопровождала многочисленная толпа, державшая себя крайне прилично“.

„Дао-тай тоже манчжуръ, переведенъ въ Сининъ изъ Кульджи, гдѣ занималъ подобную же должность. Представительный, молодеватый дао-тай тѣмъ не менѣе выглядѣлъ крайне опечаленнымъ; причиною этой печали, по признанію самого хозяина, было то, что у него въ Пекинѣ, во время разгрома, безъ-вѣсти пропала шестнадцатилѣтняя красавица дочь... Справившись съ собою, дао-тай сталъ забрасывать меня вопросами о путешествіи, о дикихъ племенахъ Тибета, о нашихъ съ ними стычкахъ; между прочимъ его занимали и такого рода вопросы — много ли осталось въ Тибетѣ мѣстъ еще не изслѣдованныхъ, доволенъ ли я самъ географическими новостями и всякаго рода научными коллекціями, собранными экспедиціей, скоро ли я отправлюсь въ новое путе-

шествіе и многіе другіе въ этомъ родѣ. Въ заключеніе, губернаторъ замѣтилъ: „слава Богу, что вы возвратились съ честью и со славой; и ваше и наше государства гордятся подобными людьми, а все-таки на будущее время избѣгайте такихъ дикихъ мѣсть“. Во время продолжительнаго разговора за неизмѣннымъ чаемъ, любезный дао-тай извинялся, что не можетъ насъ угостить шампанскимъ, которое онъ любитъ, и къ которому его приучили въ Кульчжѣ русскіе знакомые. Затѣмъ, онъ предложилъ моему сотруднику коробочку папирозъ; видя, что тотъ съ жадностью набросился на нихъ и сталъ уничтожать одну папиросу за другою, онъ принесъ еще нѣсколько коробочекъ и принудилъ Ладыгина, долго не курившаго хорошаго табаку, взять и эти. Самъ хозяинъ отъ времени до времени покуривалъ изъ китайскаго кальяна, художественно отдѣланнаго разноцвѣтной эмалью въ соединеніи съ бирюзой и бронзой. Въ пріемной губернатора, какъ и въ пріемной Цин-цай'я, стоялъ его многочисленный дворъ — адъютанты, чиновники, различные низшіе служащіе и обыкновенная публика; впрочемъ послѣдняя и большинство низшихъ служащихъ помѣщались главнымъ образомъ во дворѣ. Со двора же, въ бумажныя отверстія оконъ, смотрѣло также не мало глазъ женщинъ изъ семьи дао-тай'я и доносился ихъ мягкій, пріятный голосъ“.

„Разставшись съ дао-тай'емъ, мы черезъ четверть часа были у чжэнь-тай'я — командующаго войсками области. По слухамъ, чжэнь-тай состоялъ виднымъ членомъ анти-европейскаго общества „гэлаохуй“, что не мѣшало ему быть по отношенію къ намъ не только корректнымъ, но даже изысканно вѣжливымъ и гостепріимнымъ. Несмотря на свои немолодые годы, чжэнь-тай выглядѣлъ очень хорошо: держался ровно, ходилъ скоро. Громкій голосъ и величавая осанка изобличали въ немъ настоящаго командира. Послѣ того какъ мы попривѣтствовали другъ друга, командующій войсками поинтересовался знатъ, къ какой я принадлежу національности; послѣдующій же разговоръ былъ приблизительно тотъ же, что и прежде.

„Передъ отъѣздомъ, чжэнь-тай пригласилъ насъ къ себѣ на послѣ-завтра на обѣдъ“.

„Впереди предстояло еще два визита къ младшимъ лицамъ мѣстной администраціи, заѣхавъ къ которымъ, мы поспѣшили домой; признаться, я сильно усталъ въ необычайной обстановкѣ и по приѣздѣ къ себѣ на квартиру тотчасъ сбросилъ парадное одѣяніе, облекся въ лѣтнюю тужурку и вышелъ во дворъ подышать воздухомъ. Дворъ нашихъ хозяевъ отличался опрятностью, значительная его часть имѣла досчатую настилку; у одной изъ сторонъ

двора красовались клумбы свѣжей зелени и яркихъ цвѣтовъ. Огромный песъ лѣниво лаялъ съ верхней галлерей, откуда онъ спускался по ночамъ внизъ, для несенія сторожевой службы. На крышѣ дома рѣзвилось множество голубей, одни взвивались и улетали, другіе, съежившись въ комочекъ, сидѣли неподвижно, третьи громко ворковали, два же самыхъ красивыхъ голубя такъ озлобленно дрались, что не замѣтили, какъ ихъ общій врагъ — кошка, стремительно бросившись, схватила одного изъ нихъ и чуть-чуть не задушила, если бы во-время не подоспѣлъ мѣткій ударъ, заставившій кошку моментально бросить голубя и бѣжать безъ оглядки. Освобожденный голубь вспорхнулъ и полетѣлъ, оставивъ за собой немало перьевъ, медленно падавшихъ на землю.

На слѣдующій день я принималъ у себя сининскихъ представителей; старшіе изъ нихъ жаловали ко мнѣ въ паланкинахъ, младшіе пріѣзжали въ телѣжкахъ или просто верхомъ на отличныхъ иноходцахъ, убранныхъ богатыми сѣдлами. Каждого изъ китайскихъ чиновниковъ сопровождала болѣе или менѣе многочисленная свита, имѣвшая въ хвостѣ не мало праздныхъ добровольцевъ. Въ общемъ, разговоръ былъ тотъ же, что и вчера съ незначительнымъ лишь дополненіемъ, касающимся жизни самихъ чиновниковъ на этой окраинѣ“.

„Наканунѣ оставленія Синина, въ два часа дня, мы отправились на званый обѣдъ къ чжэнь-тай'ю. Толпа, ориентированная по извозчику, заблаговременно собралась сопровождать нашъ экипажъ, но, какъ и прежде, она была крайне сдержанна: за все время мы ни разу не слышали по нашему адресу ея обычнаго въ такихъ случаяхъ эпитета: „ян-гуйцзе“, т. е. „заморскій дьяволъ“. Подѣхавъ къ дому чжэнь-тай'я и миновавъ его первыя двое воротъ, мы вышли изъ тряской телѣжки и послѣдовали пѣшкомъ въ третьи ворота, за которыми уже увидѣли предупредительнаго чжэнь-тай'я, окруженнаго блестящей свитой. Послѣ привѣтственныхъ рукопожатій, мы направились въ тѣсной компаніи, подъ звуки китайскаго оркестра, въ большую открытую съ боковъ столовую, расположенную напротивъ домашняго театра. Въ столовой мы были представлены четверемъ сослуживцамъ командующаго войсками, принимавшимъ участіе въ званомъ обѣдѣ. Большой круглый столъ былъ уже уставленъ всевозможными, исключительно китайскими яствами, помѣщавшимися въ многочисленныхъ—большихъ и малыхъ, высокихъ и низкихъ—чашечкахъ. Хозяинъ дома сдѣлалъ знакъ гостямъ приблизиться къ отдѣльному столу съ закуской. Приглашенная компанія чинно повиновалась, и каждый изъ гостей, взявъ по маленькому блюдечку

сладкаго, принялся кушать; затѣмъ сѣли за обѣденный столъ; мнѣ было отведено почетное мѣсто во главѣ стола, прочіе гости размѣстились согласно ихъ служебному рангу, и наконецъ самъ хозяинъ занялъ стулъ, стоявшій нѣсколько поодаль отъ прочихъ, не имѣя у себя *vis-à-vis*“.

„Первая часть обѣда длилась около двухъ часовъ; сколько подавалось блюдъ, трудно сказать, но думаю: около тридцати или сорока. Послѣ каждаго блюда хозяинъ дома поднималъ маленькую фарфоровую чарочку, наполненную подогрѣтымъ виномъ и, обводя глазами гостей, призывалъ ихъ то же самое сдѣлать, чтобы одновременно всѣмъ осушить чарочки. Большинство блюдъ были очень вкусныя, какъ и вообще обѣдъ, и съ китайской точки зрѣнія, по заключенію В. Ѳ. Ладыгина, не оставлялъ желать ничего лучшаго, хотя, конечно, чжэнь-тай извинялся за „скромное“ содержаніе блюдъ, ссылаясь на отдаленность приморскихъ городовъ, въ которыхъ только и можно достать тонкія, гастрономическія принадлежности китайской кухни. Не только гости китайцы, но и я съ своимъ сотрудникомъ были усердно заняты ѣдою, во время которой вообще у китайцевъ не принято много разговаривать; по выходѣ же изъ-за стола, въ теченіе четверти часа, у гостей шель оживленный разговоръ. Сосѣдъ по столу В. Ѳ. Ладыгина, испитой, худой, желчный китаецъ убѣдительно просилъ моего спутника добыть ему лекарства или указать иной способъ избавиться отъ куренія опиума, въ конецъ разрушившаго его организмъ. Вторая или заключительная часть обѣда прошла сравнительно скоро; сонныя, покраснѣвшія лица гостей свидѣтельствовали о ихъ желаніи отправиться по домамъ и отойти на часъ другой въ область Морфея. Необходимо добавить, что въ продолженіе обѣда на театральной сценѣ шли различныя представленія и игралъ смѣшанный оркестръ; костюмы и гримъ были очень интересные. Всѣ актеры-мужчины; женскія роли избираютъ молодые китайцы, имѣющіе женственные лица и умѣющіе подражать женщинамъ, какъ манерами, такъ и голосомъ. Больше всѣхъ привлекалъ вниманіе гостей красивый, изящный мальчикъ и какъ актеръ казался несравненнымъ, въ особенности въ самыхъ трудныхъ мѣстахъ дѣйствія: его красота и плавность движеній были просто очаровательны, какъ очаровательна и самая игра привыкшаго къ похваламъ красавца-мальчика. Въ антрактахъ, гости посылали актерамъ денежные подарки, за что послѣдніе прибѣгали просить указаній на послѣдующія темы“.

„Званный обѣдъ удался, на лицѣ хозяина сіяла неподдѣльная улыбка!....“

Тридцатаго августа экспедиція оставила Сининъ, а вмѣстѣ съ нимъ и китайскую культуру. Дальнѣйшій путь къ пустынь Гоби шель въ области горъ Восточнаго Нань-шаня, самой красивой, расчлененной его части. Каравану приходилось то подниматься на кручи и слѣдовать вдоль опасныхъ карнизовъ, то спускаться на дно глубокихъ ущелій и переправляться въ бродъ черезъ ручьи и рѣчки. Къ сожалѣнію, первые дни горы были скрыты густыми облаками, и вся прелесть ихъ терялась. Это лѣто, 1901 г., было здѣсь особенно богато атмосферными осадками; тропинки нѣсколько разъ размывались и вновь исправлялись. Отряду экспедиціи въ этомъ отношеніи пришлось также поработать не мало, а ея начальнику поболѣть душою при видѣ какъ неувѣренно пробирается караванъ по скольскому глинистому обрыву. „Того и гляди, описываетъ П. К. Козловъ, что полетитъ тотъ или другой выюкъ съ коллекціями или инструментами и въ одинъ несчастный мигъ... страшно подумать— всѣ труды пропадутъ даромъ; такого рода несчастья никогда не забудешь. Чтобы отвлечь напряженное вниманіе отъ каравана, невольно переводишь взглядъ въ другую сторону, гдѣ залегаетъ еще болѣе дикій хаосъ горъ, размытыхъ множествомъ ущелій; самую величественную гору изъ окрестнаго сонма громадъ—Рангхта намъ удалось увидѣть только однажды, въ незначительный ясный проблескъ; она была покрыта снѣгомъ и небольшими клочками кучевыхъ облаковъ. Затѣмъ, погода улучшилась. Съ вершинъ отроговъ путникъ могъ наблюдать красивые, широкіе виды, заполненные богатою растительностью. Съ глубинъ ущелій въ красивомъ безпорядкѣ взгромождались одна на другую дикія сѣрыя скалы, по которымъ кое-гдѣ торчали жалкія деревца ели и можжевельника; отъ самыхъ высокихъ или командующихъ вершинъ, въ свою очередь, сбѣгали каменные розсыпи; выше же всего, въ ярко-синемъ небѣ, плавно кружились снѣжные грифы, бородатые ягнятники и звонко клѣктавшіе орлы-беркута...“

Придя въ монастырь Чортэнтанъ, экспедиція расположилась лагеремъ на лѣвомъ берегу Тэтунга, напротивъ прежней стоянки, въ виду заманчивыхъ лѣсныхъ ущелій. Вблизи разстилался тополевыи вѣковой лѣсъ, еще ближе монотонно шумѣла и плескалась рѣка... „Сколько лучшихъ воспоминаній, говоритъ П. К. Козловъ, вновь пробудилъ во мнѣ Тэтунгъ. На этихъ самыхъ берегахъ, я впервые понималъ высокую прелесть путешествія по Центральной Азій; на этихъ самыхъ берегахъ я прислушивался къ заманчивымъ рассказамъ моего незабвеннаго учителя о Камѣ; среди этой же обстановки я отдыхалъ послѣ пустыни Гоби, идя въ передній путь. Теперь я вновь на этихъ берегахъ, еще болѣе чарующихъ меня обаятель-

ной лаской природы и отрадно воскресающихъ во мнѣ на мѣстѣ живой образъ ея перваго изслѣдователя“...

Въ первый день прихода въ Чортэнтанъ, путешественники доставили на бивуакъ свое имущество, образцово сбереженное монастыремъ. Каждый изъ нихъ нашелъ здѣсь личный запасъ платья, бѣлья и послѣ обстоятельнаго мытья съ удовольствіемъ одѣлся во все новое, свѣжее. „Первое время, говоритъ П. К. Козловъ, мы даже не сразу узнавали другъ друга, замѣчая, со смѣхомъ „всѣ стали господами“. Припрятанныя на днѣ ящичковъ заѣдочки и усладеньки также пришлись намъ какъ нельзя болѣе кстати. Словомъ, приходъ въ Чортэнтанъ для экспедиціи былъ великимъ праздникомъ. Наши друзья ламы еще болѣе способствовали подобному радостному настроенію. Они насъ встрѣтили словно самыхъ близкихъ родныхъ, участливо спрашивая не только о путешествіи по „странѣ ламъ и монастырей“, но и о томъ, что намъ извѣстно изъ писемъ о нашей родинѣ, о нашихъ родныхъ. Эти люди казалось всецѣло отдались намъ—и радовались, и горевали неподдѣльно вмѣстѣ съ нами; свое личное я, на время нашего пребыванія, было ими забыто“.

Десятаго сентября экспедиція покинула Чортэнтанъ. Ламы напутствовали начальника экспедиціи лучшими пожеланіями и интересной тибетской книгой „Исторія царей Тибета“, сочиненіе пятаго Далай-Ламы. Прощаніе было самое трогательное, въ особенности съ Цорчжи-ламой, проводившимъ путешественниковъ на протяженіи двухъ дней къ сѣверу. „При дружескомъ разставаніи, говоритъ П. К. Козловъ, монахъ растрогался, крупныя слезы полились изъ его темныхъ глазъ, еще минута, и онъ... зарыдалъ. Подобнаго рода слезы я видѣлъ у туземцевъ впервые; онѣ на меня произвели глубокое впечатлѣніе. Человѣкъ чуждый намъ по религіи, языку, нравамъ, обычаямъ, былъ тѣмъ не менѣе близокъ намъ по обще-человѣческимъ душевнымъ качествамъ“.

Отъ этого чортэнтанскаго ламы, равно и отъ другихъ пріятелей, обитающихъ въ нагорной Азіи, начальникъ экспедиціи, періодически, получаетъ письма. „Удостоившись знакомства съ Вами, читаемъ въ одномъ изъ писемъ Цорчжи-ламы, я проникся къ Вамъ чувствомъ искренней преданности, со времени разлуки съ Вами, когда я постоянно съ глубокою любовью вспоминалъ о Васъ, незамѣтно промелькнуло нѣсколько мѣсяцевъ. Вотъ и зеленый тростникъ покрылся туманомъ, и серебристая роса сгустилась въ иней. Я думаю о томъ мѣсяцѣ (о Васъ), какъ будто бы онъ находился, и какъ запретить духу переноситься черезъ пространство. Съ почтеніемъ вспоминая о Вашихъ великихъ доблестяхъ и высокихъ административныхъ талантахъ, я съ глубокимъ нетерпѣніемъ ожидаю какъ благовѣщеніе

облака (отличіе) покроетъ Васъ, какъ роса покрываетъ бамбукъ. А я бѣдный монахъ, обитатель пустыни, пристрастившійся къ лѣсамъ и источникамъ, хотя и мечтаю о томъ, чтобы выдѣлиться изъ толпы, но мнѣ не достаетъ указаній къ воспитанію природы. Какое сравненіе съ Вашимъ Превосходительствомъ, который широко распространяетъ просвѣщеніе, озаряя имъ людей“...

Оставляя привѣтливый богатый Нань-Шань съ лазоревымъ небомъ, экспедиція вступаетъ въ Монгольскую пустыню, надъ безграничнымъ просторомъ которой висѣла, словно вуаль, пыльная дымка. Туда, на сѣверъ, уносились всѣ помыслы и стремленія усталыхъ путешественниковъ, ласкавшихъ себя пріятными грѣзами и мечтами о приближеніи къ родинѣ...

Второго октября экспедиція оставила шумный Дынъ-юань-инъ и сразу очутилась въ тихой монотонной пустынѣ. Проходя у высотъ, окаймляющихъ городъ съ сѣвера, путники наблюдали интересную травлю лисицъ борзыми. Невдалекѣ отъ каравана, изъ-за холмовъ, неожиданно показались всадники, которые съ страшной стремительностью скакали за собаками, увлеченными лисой. „Я долго не забуду, пишетъ П. К. Козловъ, въ высшей степени интересныхъ двухъ-трехъ минутъ, въ теченіе которыхъ лиса, борзые и нѣсколько чело-вѣкъ всадниковъ, слившись въ одинъ фокусъ общей картины, мчались подлѣ нашего каравана; это было нѣчто особенное, приковавшее наше вниманіе; вотъ еще одна секунда, еще одинъ моментъ, и лиса въ зубахъ собакъ. Общее замѣшательство и поднятая въ воздухѣ пыль подтвердили предполагаемое окончаніе успѣшной охоты. Въ рукахъ нарядно одѣтаго всадника виднѣлся красивый звѣрь съ пушистымъ хвостомъ. Это былъ утренній выѣздъ младшаго изъ алашаньскихъ князей, желавшаго, вѣроятно, показать намъ свою лихость и молодечество“.

По мѣрѣ движенія къ сѣверу холодъ все болѣе увеличивался, а осенніе дни сокращались. Теперь были очень кстати, заранѣе приготовленныя распоряженіемъ алашаньскаго князя, юрты и топливо—самыя, повидимому, необходимыя, принадлежности въ дорогѣ, а между тѣмъ путешественникамъ казавшіяся роскошью, въ особенности послѣ дневныхъ утомительныхъ переходовъ, когда они съ пріятнымъ чувствомъ входили въ нихъ, согрѣваясь чаемъ и тепломъ маленькой печки. Время, въ походѣ, бѣжало быстро, но несравненно медленнѣе, конечно, желаній путешественниковъ, которые, по ихъ признанію, съ дѣтской наивностью, отсчитывали истекавшіе дни и дни, предстоявшіе впереди по направленію къ Ургѣ, этой своего рода „обѣтованной землѣ“ тибетскихъ странниковъ. Да, дѣйствительно, Урга могла быть для нихъ землей обѣ-

тованной: они сильно истомились и нравственно, и физически, вѣдь прошло уже тридцать мѣсяцевъ, и они не могли не желать скорого конца ихъ путешествію...

У горы „Два-хана“—Хойрханъ—Гоби угостила путниковъ снѣжнымъ штормомъ, подобнаго которому они еще не видѣли ни разу. Сильные вихреобразные порывы бури положительно сталкивали въ сторону огромныя верблюжьи фигуры, мелкій снѣгъ залѣплялъ глаза. Въ этотъ памятный день, третьяго ноября, они прошли сорокъ двѣ версты, и всѣ до одинаго ознобили себѣ лица, такъ какъ вслѣдъ за снѣжнымъ штормомъ ударилъ морозъ въ 27,5°.

На предпоследнемъ переходѣ къ Ургѣ начальникъ экспедиціи получилъ отъ маститаго консула Я. П. Шишмарева дружеское привѣтственное письмо, въ которомъ, уважаемый монголами, русскій генералъ спѣшилъ засвидѣтельствовать его полную готовность приютить „дорогихъ путешественниковъ“ подъ гостепріимнымъ кровомъ русскаго консульства.

Спускаясь съ перевала Гангынъ-дабанъ, путешественники радостно привѣтствовали священную гору Богдо-ула, сплошь засыпанную снѣгомъ, на бѣломъ фонѣ котораго рѣзко и красиво выдѣлялись темныя, густыя заросли лѣса. На другой же день, седьмого ноября, обогнувъ ее у западнаго подножья и переправившись черезъ шумную, прозрачную Толу, они, вскорѣ затѣмъ, достигли и дома ургинскаго консульства.

„Не берусь описывать тѣхъ радостныхъ чувствъ, говорить начальникъ экспедиціи, которыми мы были переполнены, достигнувъ конца нашей трудной задачи, увидѣвъ родныя лица, услышавъ родную рѣчь... Чѣмъ-то сказочнымъ повѣяло на насъ при видѣ европейскихъ удобствъ, при видѣ теплыхъ уютныхъ комнатъ, при видѣ сервированныхъ столовъ. Наша виѣшность такъ сильно развилась и не подходила ко всему этому комфорту, что Я. П. Шишмаревъ не могъ не подвести меня къ зеркалу и показать мнѣ—меня же самого. „Такимъ, какъ вы теперь, говорилъ добродушный русскій хозяинъ, нѣкогда вступилъ въ Ургу и вашъ незабвенный учитель, Н. М. Пржевальскій, отдыхавшій вотъ въ этой большой комнатѣ, которую я приготовилъ для васъ“...

Кяхта своимъ широкимъ гостепріимствомъ заставила еще болѣе позабыть пережитыя участниками экспедиціи невзгоды и лишения, сочувствіе же Петербурга укрѣпило ихъ въ сознаніи *посильно* исполненнаго передъ родиной долга..... В—ъ.

(Охвнчаніе слѣдуетъ).

